

ряд ученых, например, таких как А.Ф. Лосев (обобщающий исследовательский материал во введении к «Эстетике Возрождения»). Кульминация генезиса ренессансной идеи осуществилась в феномене итальянского Ренессанса, но понимание и выражение идеи обожения как уподобления и соединения с Богом отразилось здесь особым образом – в секуляризации, а не в воцерковлении.

«*AMBIANIS, URBS PREDIVES*» ПРИМАСА ОРЛЕАНСКОГО И ПЕТР АБЕЛЯР

В.В. Андерсен

Гугон Орлеанский (ок. 1095 - ок. 1160), известный также под именем «Примас», по праву считается «самым ранним и самым славным»¹ среди поэтов-вагантов. Примас, умный и наблюдательный версификатор, оставил в своих двадцати трех стихотворениях (изданных В. Мейером в 1907 г. по тексту Оксфордского манускрипта)² яркую картину повседневной жизни Франции XII в. Среди них особенный интерес как исторический источник представляет стихотворение №18: «*Ambianis, urbs predives*». Это стихотворение не переводилось ранее на русский язык³, но именно его имеет в виду М.Л. Гаспаров в послесловии к сборнику переводов поэм вагантов, говоря, что Примас «стихи во славу Реймса, где этот ученый город превозносится до небес... начинает (для контраста) поношением соседнему Амьену, а кончает (совсем уж неожиданно) отчаянной бранью по адресу какого-то ученого соперника, не по заслугам внимательно принятого в Реймсе»⁴. Если обратиться к тексту стихотворения Примаса Орлеанского, то можно убедиться в том, что, во-первых, М.Л. Гаспаров заблуждается относительно отношения поэта к Амьену, и, во-вторых, мы можем с высокой долей уверенности назвать имя человека, ставшего объектом нападок первого среди вагантов⁵.

Ambianis, urbs predives,
Quam preclaros habes cives,
Quam honestum habes clerum!
Si fateri velim verum,
Sola rebus in mundanis
Hoc prefulges, Ambianis,

Quod nec clerum nec pastorem
Usquam vidi meliorem.
Quam sis plena pietate,
Est ostensum in Primate.
Pauper eram, spoliatus,

О Амьен, о дивный город!
Сколь пречист здесь стар и молод!
Сколь мирянам клир подстать, и,
Если правду хочешь знать ты,
О Амьен, ты блеском света
Затмеваешь всю планету.

Что же мне сказать о клире?
– Лучше нет и в целом мире!
Ведь в виду лихого часа
Ты, Амьен, помог Примасу.
Был ограблен я, был беден,

¹ Гаспаров М.Л. Поэзия вагантов // Поэзия вагантов. М., 1975. С. 460.

² Meyer W. Die Oxforder Gedichte des Primas (des Magisters Hugo von Orléans). Berlin, 1907. Помимо этого «канона», Примасу приписывается еще ряд стихотворений; см. Delisle L. Le poète Primat // Bibliothèque de l'école des chartes. Vol. 31. P., 1870. P. 304-306, 309; Langosch K. Hymnen und Vagantenlieder. Basel-Stuttgart, 1954. S. 185-189. Adcock F. Hugh Primas and the Archpoet. Cambridge, 1994. P. XVIII.

³ Необходимо отметить прекрасные переводы этого стихотворения: немецкий К. Лангоша («Amiens, du reiche Stadt») и английский Ф. Адкок («Amiens, how truly noble»).

⁴ Гаспаров. Ук. соч. С. 462.

⁵ Автор предлагает собственный перевод на русский язык 18-го стихотворения из Оксфордского собрания. Так как в стихотворном переводе неизбежно теряются некоторые детали, и, кроме того, перевод выполнен уже на базе тех выводов, которые делаются в данной статье, приведен и латинский оригинал стихотворения. Все ссылки даются на латинский текст поэмы.

Apparebat nudum latus,
Spoliarat me latronum
Seva manus et predonum.
Et qui erant hi latrones?
Deciani tabulones.
Nil habentem in crumena
Remisisti bursa plena.

Ergo Remis, civitatum
Prima tenens principatum,
Tibi mandat per Primatem,
Quod te facit optimatem,
Ut sis una de supremis,
Digna proles sacre Remis.
Tanta matri, tam preclare,
Obedire, supplicare,
Caput suum exaltare:
Illud erit imperare:
Tantam matrem venerari:
Illud erit dominari.
Remis enim per etatem
Primam tenet dignitatem:
Sed, quod habet ab antiquo.
Nunc augetur sub Albrico.

Per hunc Remis urbs suprema,
Per hunc portat diadema:
Per hunc fulget in corona,
Quam commendant multa bona:
Sed pre cunctis hanc divine
Fons illustrat discipline,
Fons preclarus atque iugis,
Fons doctrine non de nugis,
Non de falsis argumentis,
Sed de Christi sacramentis.

Non hic artes Marciani
Neque partes Prisciani,
Non hic vana poetarum:
Sed archana prophetarum.
Non leguntur hic poete:
Sed Iohannes et prophete;
Non est scola vanitatis:
Sed doctrina veritatis;
Ibi nomen non Socratis:
Sed eterne trinitatis;
Non hic Plato vel Thimeus:
Hic auditur unus deus;

Был, как нищий, наг и бледен –
До копейки обобрали
Меня алчные шакалы.
Кем обчищен был кошель мой?
Жалкою картежной шельмой.
Ты ж, Амьен, меня избавил:
Накормил и в путь отправил.

Все же, Реймс, тебе нет равных
Между городов державных.
Лучше в мире не найдется,
В том Примас тебе клянется.
Горожане здесь блаженны,
Как и город их священный.
Реймсу все князья на свете
Повинуются, как дети,
Перед ним главу склоняют:
Он же мудро управляет.
Чтит его монах, чтит воин –
Власти этой он достоин:
С незапамятных времен
Реймс был славой наделен.
При Альберике ж по праву
Громче стала Реймса слава!

Истинно, Реймс, стольный город,
Носит диадему гордо.
Истинно, венцом одет он,
Но всего чудесней это:
Нескончаемым теченьем
Здесь источник бьет ученья,
Ключ божественной науки, –
Но не праздности и скуки
И не лживых богословов,
А причастия Христова.

Нет здесь прений Марциана¹
И склонений Присциана²,
Нет здесь ямба и дактиля –
Есть лишь тайны Даниила;
Не поэтов здесь читают,
А Матфея и Исаяю.
Нет здесь суетного тщенья:
Лишь правдивое ученье.
Не Сократа чтят здесь речь, но
Славу Троицы предвечной:
Пусть молчат Тимей и Горгий,
Если речь идет о Боге!

¹ Марциан Капелла - латинский писатель-энциклопедист первой половины V в., автор сочинения «О браке Филологии и Меркурия и о семи свободных искусствах».

² Присциан – латинский грамматик V-VI вв.

Nichil est hic nisi sanctum.

Sed in scolis disputantum
Sunt discordes et diversi.
Aberrantes et dispersi:
Quod hic negat, ille dicit:
Hic est victus, ille vicit;
– Doctor totum contradicit.
Nos concordēs super idem
Confitemur unam fidem.
Unum deum et baptismam.
Non hic error neque scisma.
Sed pax omnis et consensus;
Hinc ad deum est ascensus.

Ergo iure nostra scola
Singularis est et sola.
Scolam dixi pro doctrina:
O mutare possum in a
Et quam modo dixi *scolam*,
Iam habentem Christi stolam.
Apellare volo *scalam*.
Hic peccator sumit alam,
Alam sumit, ut ascendat,
Ut ad deum volans tendat.
Hic fit homo dei templum.

Prope satis est exemplum:
Ecce noster Fredericus
Comes comis et amicus.
Et cum eo Adelardus
Valde dives Longobardus;
Generosus puer Oto
Et quam plures pari voto
Hic aggressi viam vite
Sacri degunt heremite;
Per hanc scolam sursum tracti
Sunt celorum cives facti;
Hoc preclaro fonte poti
Modo deo sunt devoti.

Vos, doctrinam qui sititis,
Ad hunc fontem qui venitis
Audituri Iesum Christum.
Audietis furem istum?
In conventu tam sacro
Audietur iste Gnato?
Dignus risu vel contemptu,

Все, что есть здесь – все святое...

Вечно в школах нет покоя:
Спорят вздорные и плуты,
Болтуны и баламуты:
Этот хвалит, тот поносит,
Тот доволен, этот сносит,
А учитель всех разносит.
Мы же споров не имеем:
В одного мы Бога верим
И в единое крещенье.
Нет здесь ложного ученья,
Лишь согласие среди многих:
Здесь возносимся мы к Богу.

Школа и ее доктрина
Нераздельна и едина.
«Школа» – не простое слово:
Превращу я только «о» в «а»,
И увидим мы, что *школа*,
Страница в Христовой столе,
Как *скала*¹, встает из моря,
Грешных утешая в горе,
Чтобы те на крыльях веры
Поднимались в Божьи сферы.
Человек здесь – храм для Бога.

Рассказать могу я много,
Как граф Фридрих, наш учитель,
Добрый друг и покровитель,
Вместе с сиром Аделардом,
Богатейшим лангобардом,
Знатным юношей Оттоном –
Многие - числа нет оным! –
Все, оставив жизни склоки,
Удалились в скит далекий
И, как в школе их учили,
К небу взор свой устремили.
Из ключа воды отведашь –
Значит Богу душу вверить.

О вы, жаждущие слова
И учения Христова,
Будете ль в Христовом храме
Слушать не Христа, а хама?
Будете ли у амвона
Слушать этого Гнатона²?
Смехотворный и презренный,

¹ В оригинале игра слов *scola* («школа») и *scala* («лестница»).

² Парасит Гнатон - персонаж «Дафниса и Хлои» Лонга и «Евнуха» Теренция.

Cur hoc sedes in conventu?
Nunc legistis Salomonem:
Audietis hunc latronem?
Nunc audistis verbum dei:
Audietis linguam rei?

Reus est hic deprehensus,
Verberatus et incensus.
Quod apparet in cocturis,
Que sunt signa capti furis.
Quantum gula sit leccatrix,
Nonne signat hec cicatrix?
Revertatur ad cucullam
Et resumat vestem pullam:
Aut videbo rursus coqui,
Nisi cesset male loqui;
Aut discedat aut taceto
Vel iactetur in tapeto.

Что забыл ты в этих стенах?
Чтобы вместо Соломона
Слушали мы пустозвона?
Чтобы вместо слов Господних
Слушали воров на сходне?

Вора этого словили
Как-то раз – и заклеямили:
Он прикрыл клеймо со страхом
Одеянием монаха
(Ведь взамен былого срама
Есть у вора только шрамы).
Прекрати точить ты лясы:
Завернись, как прежде, в рясу, –
Будто тебе мало? Впрочем,
Не отрезать ли короче?
Если ты молчать не в силах,
Можешь рыть себе могилу.

Центральное место в стихотворении Примаса Орлеанского занимает описание богословской школы, «процветающей» (стр. 32) под руководством философа-номиналиста Альберика Реймского (ум. 1141). Следовательно, поэма могла быть написана с 1120 по 1136 г., в то время, когда Альберик занимал место главы реймской школы¹. Время, о котором идет речь – период «расцвета теологического образования, составлявшего вершину школьных дисциплин»² и яростных споров между представителями различных религиозно-философских школ³. Один из таких споров и описывается в стихотворении Примаса: некий монах (стр. 112-113 описывают типичную монашескую одежду) ведет в Реймсе публичные лекции, которые в чем-то (памфлетический характер стихотворения не позволяет нам сделать точных выводов о том, что именно говорит в своих лекциях противник Альберика) противоречат учению школы реймского магистра (школа Альберика, как источник мудрости и благодати, противопоставляется лживым речам его оппонента в стр. 94-105). Безусловно, ключевым вопросом для интерпретации этого стихотворения является идентификация безымянного противника Альберика. Еще В. Мейер, обнаруживший и издавший текст Оксфордского собрания стихотворений Примаса Орлеанского в 1907 г., справедливо заключил, что объект нападок поэта в стихотворении №18 – не кто иной, как французский теолог и философ Петр Абеляр (ок. 1080 - 1143⁴).

¹ Ott L. Alberich von Reims // *Lexikon des Mittelalters*. Bd. 1. Lief. 2. München-Zürich, 1978. Sp. 281.

² Ле Гофф Ж. Интеллектуалы в средние века. СПб, 2003. С. 20.

³ Особенности взаимоотношений философской и религиозной мысли в Высоком Средневековье рассматривает, например, П.Р. Маккеон: McKeon P.R. *Concilium Generale and Studium Generale: The Transformation of Doctrinal Regulation in the Middle Ages* // *Church History*. Vol. 35. No. 1. 1966.

⁴ Традиционная датировка жизни философа 1179-1142 гг. неверна. Абеляр умер в Клюни в возрасте 63 лет («agé de LXIII ans» в некрологе Параклета: см.: Rémusat C. *Abélard*. P., 1845. T. 1. P. 257. Nt. 2). При этом, опираясь на ряд обитуариев, данные К. Мьюза (Mews C.J. *The Council of Sens (1141): Abelard, Bernard and the Fear of Social Upheaval* // *Speculum*. 2002. Vol. 77. No. 2. P. 345-354, 373), убедительно датировавшего Санский собор 1141 г. (а не 1140) и свидетельство Петра Достопочтенного о том, что Абеляр провел в Клюни более года после собора (*Patrologiae cursus completus... Series latina... Accurante J.P. Migne*. 1844 (PL). T. 189. Col. 350C.), а также на хронику Рикара из Пуатье (*Monumenta Germaniae Historica (MGH)*. SS. XXVI. S. 81) и наблюдения Дж. Ф. Бентона (Benton J.F. *Philology's Search for Abelard in the Metamorphosis Goliae* // *Speculum*. 1975. Vol. 50. No. 2. P. 216) о датировке «Метаморфоз Голии», можно уверенно датировать смерть Абеляра 1143 г., что сдвигает на год раньше и дату его рождения.

Обстоятельную аргументацию по сопоставлению героя последней трети поэмы Примаса и Абельяра в своей статье, посвященной анализу указанного стихотворения, приводит К. Макдоно¹. Прежде всего, герой Примаса одновременно является и магистром, ведущий преподавательскую деятельность (стр. 94-105), и монахом (стр. 112-113). Абельяр, прославленный магистр, как известно, постригся в монахи вместе со своей возлюбленной Элоизой после трагической развязки их романа (ок. 1116-1118 гг.) Термины «вор» («*fur*») и «разбойник» («*latro*»), вероятно, отсылают к стиху из Евангелия от Иоанна («Истинно, истинно говорю вам: кто не дверью входит во двор овчий, но перелезает инде, тот вор и разбойник»: Ин 10:1), где «ворами и разбойниками» названы лжепророки; Бернар Клервосский называет так еретиков-альбигойцев². Абельяр был осужден на Суассонском соборе 1121 г. за свои неортодоксальные взгляды на Святую Троицу³, а книга («*Theologia summi boni*»), в которой он излагал свои взгляды, была сожжена⁴.

Особое внимание вызывает упоминание Примаса о «шраме» («*cicatrix*»), который у поэта напоминает о «*gula leccatrix*», если перевести буквально - «ненасытной глотке» противника Альберика. В. Мейер считал, что некий шрам мог остаться у Абельяра после того, как в Бретани тот «выпал при езде из повозки и повредил себе шею»⁵. Однако К. Макдоно убедительно показывает, что выражение «*gula leccatrix*» имеет в средневековой латыни четкие сексуальные коннотации и может переводиться как «распутное плотское желание»⁶. Принимая это значение (Примас наверняка сознательно оставляет здесь двусмысленное выражение), несложно догадаться, о каком «шраме» идет речь: история любви Абельяра и Элоизы и ее трагическая развязка, в результате которой Абельяр оказался оскотлен подручными дяди Элоизы каноника Фульбера, хорошо известна⁷.

В целом, заключает К. Макдоно, «было бы сложно найти в годы между 1118 и 1131 другого человека, который подходил бы под это описание лучше, чем Абельяр, и в равной степени сложно поверить в то, что слушатели Примаса не смогли бы понять, что речь идет именно о нем»⁸. Кроме того, нельзя не отметить, что пассаж Примаса об Абельяре весьма напоминает тональность двух посланий, адресованных Абельяру: желчного письма учителя Абельяра Росцелина Компьеньского (PL 178, Ep. 15) и сатирического письма Фулькона Дёйльского (PL 178, Ep. 16)⁹.

¹ McDonough C.J. Hugh Primas 18: A Poetic Glosula on Amiens, Reims, and Peter Abelard // *Speculum*. Vol. 61. No. 4. 1986. P. 808-810.

² Ep. 242: PL. T. 182. Col. 436.

³ Вероятно, внимание врагов Абельяра (и в первую очередь Альберика) привлекли также и весьма безвкусные шутки, содержащиеся в его сочинении: так, например, Абельяр вопрошает, можно ли сказать, что Бог есть в уборной, раз Он есть везде: см. Mews C.J. *Orality, Literacy, and Authority in the Twelfth-Century Schools // Exemplaria*. Vol. 2. 1990. P. 480.

⁴ Рассказ самого Абельяра о Суассонском соборе приведен в: Петр Абельяр. *История моих бедствий*. М., 1959. С. 37-42.

⁵ Там же. С. 58; Meyer. *Op. cit.* S. 34-35.

⁶ McDonough. *Op. cit.* P. 810.

⁷ Рассказ Абельяра об этом происшествии см.: Петр Абельяр. *История моих бедствий*. С. 31-32. При том, что К. Макдоно справедливо обращает внимание, что «шрам» в стихотворении может быть истолкован как намек на эпизод с кастрацией Абельяра, вместе с тем канадский исследователь считает, что шрамы могли остаться на теле философа после применения пыток огнем перед Суассонским собором (McDonough. *Op. cit.* P. 809). Однако применение ордалии огнем на соборе, председателем которого был папский легат, выглядит по меньшей мере фантастично.

⁸ McDonough. *Op. cit.* P. 811. Макдоно справедливо отвергает предположения, что Примас мог иметь в виду Готье из Мортани (ок. 1100 - 16 июля 1174 г.), ученика Альберика Реймского (Готье никогда не был монахом) или Генриха Лозаннского, еретика, осужденного на Пизанском соборе 1135 г. (неизвестно, чтобы тот имел какие-то увечья): см.: *ibid.* P. 821-823. Впрочем, учитывая сказанное о том, что по описанию Примаса слушатели должны были догадываться, о ком идет речь, простого сопоставления масштабов известности, с одной стороны, Абельяра и, с другой стороны, Готье из Мортани и Генриха Лозаннского, достаточно для того, чтобы заключить, что Примас описывает именно Абельяра.

⁹ См. ниже.

Стихотворение Примаса Орлеанского - единственный источник, который говорит о пребывании Абельяра в Реймсе. Когда мог состояться этот визит? Отсылки к статусу героя поэмы как еретика показывают, что Абельяр мог прибыть в Реймс лишь после Суассонского собора, т.е. начиная с конца 1122 г. (в период между 1121 и 1122 г. Абельяр находился в монастыре Сен-Дени, откуда через несколько месяцев бежал в Шампань, был обязан вернуться в Париж под угрозой отлучения, и только благодаря помощи королевского сенешаля Этьена де Гарланда был отпущен из монастыря¹). С другой стороны, как уже было сказано, этот визит мог иметь место только до 1136 г., когда Альберик был переведен на должность буржского архиепископа². Если В. Мейер считал, что визит Абельяра произошел в 1132-1136 гг., между бегством философа из монастыря Св. Гильдазия Рюисского в Бретани³, то по мнению Л. Отта, «наиболее вероятной датой для этого был бы 1125 г.»⁴. В выборе между различными датировками визита Абельяра в Реймс, безусловно, следует предпочесть как можно более раннюю. Тональность Примаса, с которой он намекает на кастрацию Абельяра, свидетельствует о том, что поэт говорит о злободневном сюжете, хорошо известном его аудитории (что было бы вряд ли возможно, рассказывая Гугон о коллизии, произошедшей за семнадцать лет до того⁵). Кроме того, тон поэта очень похож на выражения, в которых описывают свое отношение к увечью Абельяра приор Дёйльского монастыря Фулькон и бывший учитель философа Росцелин из Компьеня. Письмо Фулькона, принимавшееся многими исследователями за неподдельное «*epistola consolatoria*», без сомнения, представляет собой едкий сатирический документ, в котором приор рисует следующую картину: «Расслабив свои члены, ты забылся сном, не готовясь причинить никому зла, когда, се, нечистая рука и гибельное железо, не колеблясь, ни за что оросили землю твоей невинной кровью. Вот почему оплакивает твою рану и доброта достопочтенного епископа, который, насколько ему позволено, пытается свершить правосудие. Стенают все многочисленные свободные каноники и благородные клирики. Стенают жители, ибо они считают это позором для города, и скорбят они о своем городе, который был осквернен пролитием твоей крови. Как же я опишу стенания блудниц, у которых, когда они услышали о происшедшем, застыли слезы на лице, как это обычно бывает у женщин, стенания по тебе, их рыцарю, которого они потеряли, как если бы каждая узнала, что ее муж или друг погиб на войне? Воистину, такова была всеобщая скорбь, что, кажется мне, ты бы должен желать сам исчезнуть, а не восстановить то, что было тобой потеряно»⁶.

В свою очередь, Росцелин в своем письме к Абельяру пишет: «Смотри, как бы за половым органом (*cauda*), которым ты раньше, пока мог, погружался во все без разбору, и который по мере твоей нечистоты был отнят у тебя, и язык, которым ты так же жалишь, не был бы отнят; как раньше был ты похож на пчелу, втыкая всюду жало (*cauda*), так теперь подобен ты змее, жалящей языком. О таких говорится в псалме: “изощряют язык свой, как змея; яд аспида под устами их” (Пс 139:4). <...> Имена собственные имеют свойство терять значение, когда тому, что они означают, случается потерять свою целостность. Ведь дом, лишенный крыши и стен, называется не домом, а несовершенным домом. Раз ты лишился той части тела, которая делает человеком, то называешься ты теперь, значит, не Петром, а несовершенным Петром... Раз пишу я против несовершенного человека, то, пожалуй, оставлю и это свое письмо незаконченным»⁷.

¹ Петр Абельяр. История моих бедствий. С. 44.

² Ott. Alberich von Reims. Sp. 281.

³ Meyer. Op. cit. S. 34-35.

⁴ McDonough. Op. cit. P. 823.

⁵ Вероятно, этим соображением объясняется нежелание В. Мейера видеть в «шраме» Абельяра намек на его кастрацию.

⁶ PL. T. 182. Col. 374.

⁷ PL. T. 182. Col. 371. Cp. Picavet F. Roscelin, philosophe et théologien. P., 1896. P. 18.

Оба этих письма были написаны в 1119-1120 гг., и несомненное сходство едких описаний Фулькона и Росцелина с инвективной Примаса позволяют предположить, что стихотворение первого из вагантов было написано лишь немногим позднее процитированных писем.

Еще одним свидетельством более ранней датировки визита Абеляра в Реймс может служить письмо уже упоминавшегося Готье из Мортани к основателю концептуализма¹, в котором адресант упоминает, что сам слушал лекции Абеляра о Троице, а теперь имеет возможность держать в руках саму книгу Абеляра. Л. Отт² считает, что это письмо было написано в 1136-1138 г., и Готье мог быть в числе слушателей Абеляра в это время в Париже. Однако общий тон письма, выдающий скорее молодого школяра, чем зрелого философа, и обращение «монаху Петру Абеляру» (в 1130-х гг. человек, сочувствовавший Абеляру, без сомнения, назвал бы его скорее «магистром»), говорит о том, что это письмо могло быть написано раньше, около 1125 г. (как раз в это время выходит первая версия «*Theologia Christiana*» Абеляра³). В этом случае лекция Абеляра, на которой присутствовал Готье из Мортани, могла состояться только с 1122 (освобождение Абеляра из Сен-Дени) до 1127 г. (когда Абеляр был произведен в аббаты монастыря Св. Гильдазия Рюисского), и, вероятно, именно в Реймсе⁴.

Несомненно, реймские лекции Абеляра должны были быть направлены, как на это и указывает Примас, против учения Альберика, давнего врага бретонского философа. Альберик сыграл ключевую роль в осуждении Абеляра на Суассонском соборе 1121 г., и, вероятно, «Аристотель из Ле-Палле» воспринимал развернувшийся в Реймсе теологический диспут как возможность для реванша.

В стихотворении Примаса не говорится о содержании лекции Абеляра в Реймсе. Однако, судя по яркому противопоставлению школы Альберика и его противника, вероятно, лекции Абеляра находились в резком противоречии с учением реймской школы⁵. Судя по тому, как Примас подчеркивает, что в школе Альберика чтут «единого Бога», вероятно, Абеляр выступил в Реймсе со своим тринитарным учением, в котором излагал различия между лицами внутри Троицы⁶. Любопытно заметить, что именно изложение своей тринитарной концепции Абеляр помещает в то место собственной автобиографии⁷, когда, по приведенным здесь соображениям, должна была состояться его поездка в Реймс. Также стоит отметить разногласия Абеляра и Альберика по отношению к иудейской вере. Если Абеляр (как и его возлюбленная Элоиза, вероятно, учившаяся еврейскому языку в Труа) симпатизируют иудейской традиции и культуре (см., напр., «Диалог между философом, иудеем и христианином»), то об Альберике сохранилась следующая история: «Во время засухи, поразившей область Реймса, в течение трех дней устраивали крестный ход вокруг города и в деревнях, но на небе не появилось ни облачка.

¹ Spicilegium sive collectio veterum aliquot scriptorum qui in Galliae bibliothecis delituerant. T. 3. P., 1723. P. 524 ff.

² L. Ott. Untersuchungen zur theologischen Briefliteratur der Frühscholastik. Münster, 1937. S. 234-266.

³ Ott. Untersuchungen...; McDonough. Op. cit. P. 816, Ft. 49.

⁴ Сомнительно, чтобы Готье, учившийся в это время в Реймсе у Альберика, отправился бы слушать лекции Абеляра в Параклете.

⁵ Это неудивительно, учитывая то, что в сохранившихся текстах школы Альберика на горе Св. Женевьевы он часто критикует положения Абеляра: см. De Rijk L.M. Some New Evidence on Twelfth Century Logic: Alberic and the School of Mont Ste Geneviève (Montani) // Vivarium. Vol. 4. 1966. P. 1-57. Однако факт встречной критики служит аргументом в пользу той точки зрения, что учение Альберика не было чисто реакционным на новаторские идеи Абеляра, как последний представляет дело в своей автобиографии.

⁶ По мнению Абеляра, различные ипостаси внутри Троицы – это «имена» (nomina), означающие различные атрибуты Бога: божественную силу, мудрость и доброту. См. Mews C.J. Philosophy and Theology 1100-1150: The Search for Harmony // Le XIIème siècle: Mutations et renouveau en France dans la première moitié du Le XIIème siècle. P., 1994. P. 171. Для Бернара Клервоского подобное различие было равнозначно арианской ереси (см. письмо 190 к папе Иннокентию).

⁷ Петр Абеляр. История моих бедствий. С. 47-49.

Тогда раввин местной синагоги поднялся и сказал: „Я обещаю вместе с моими единоверцами перейти в христианство, если за три дня я не смогу вызвать дождь; если же смогу, то пусть нам разрешат носить прилюдно свиток нашего Закона и Талмуд“. Многие сказали на это: „Это справедливо и разумно“. Но доктор Альберик, взяв слово, воскликнул: „Братья, о чем вы думаете? Не позволяйте так подвергать сомнению веру Иисуса Христа. Как мы можем знать, вдруг Спаситель в наказание за наши грехи попустит, чтобы этот еврей заставил дождь пролиться с помощью какого-либо магического действия или призвав беса. Ведь мы читали, что и злодеи часто совершали чудеса... Итак, пренебрежем предложением этого еврея, и не дадим возможности слабым духом отойти от нашей святой веры и погрузиться в иудейскую религию“. Этой речи все аплодировали...»¹.

Однако в Реймсе, помимо Альберика, у Абеляра был и другой могущественный противник - реймский архиепископ Радульф (Рауль), который был главной силой, стоявшей за осуждением Абеляра на Суассонском соборе 1121 г.². Практически исключено, чтобы Абеляр рискнул выступить против настолько сильной оппозиции и начать преподавать в Реймсе против Альберика при жизни Радульфа. Гораздо более вероятно, что визит Абеляра состоялся уже после смерти архиепископа в июле 1124 г., и, так как известно, что в 1127 г. Абеляр уже отправился в Бретань в качестве настоятеля монастыря Св. Гильдазия Рюисского, а в 1125-1127 г. был занят сочинением ряда трактатов (*Sic et non*, *Theologia Christiana*, *Dialogus inter philosophum, Iudaeum et Christianum*), следовательно, реймская поездка философа должна была прийтись на время непосредственно после смерти Радульфа.

В такой реконструкции ситуация 1124-1125 гг. весьма напоминает ту, в которой бретонский философ оказался 11 годами ранее. В 1113 г., после смерти ланского епископа Гугона, ставленника Этьена де Гарланда, Абеляр отправился в Лан, где сперва обучался, а затем начал преподавать против главы местной школы Ансельма. Сам Абеляр объясняет в «Истории моих бедствий» свой конфликт с Ансельмом содержанием и лишена мысли³, Абеляр начал выступать с собственными лекциями. Выступления Абеляра с комментариями на книгу Иезекииля пользовались успехами, и в результате разгневанный Ансельм запретил ученику преподавать в пределах ланской школы. Абеляр вернулся в Париж, где получил звание магистра парижской школы, за которое он до этого безуспешно боролся с Гийомом из Шампо⁴.

Тенденция Абеляра умалчивать в своей автобиографии о реальной подоплеке событий, так или иначе связанных с ним, и ссылаться на судьбу, случай или собственный гений, хорошо известна⁵. На политическую ситуацию вокруг ланской школы в 1113 г. и возможную роль Абеляра в этой ситуации обратил внимание М. Клэнчи: «К тому моменту, как Абеляр прибыл в Лан в 1113 г., Ансельм находился в апогее своей власти. Годом ранее он пережил восстание горожан против духовенства, во время которого был убит епископ Годри. Ансельм внес вклад в восстановление порядка в городе, а также подтвердил свою репутацию популярного наставника... К этому времени Ансельм был архидиаконом, имел влияние на духовенство епархии, а также был деканом и канцлером епархии... Ансельм Ланский, как и Гийом из Шампо, был глубоко вовлечен в политическую жизнь Франции потому, что Лан был королевской епархией. После убийства епископа Годри король Людовик VI вторгся в область Лана, чтобы изгнать из города Фому из Марля, державшего в ужасе жителей города и, по-видимому,

¹ Histoire littéraire de la France. Т. XII. P., 1869. P. 75-56.

² Петр Абеляр. История моих бедствий. С. 16.

³ Там же. С. 17.

⁴ Там же. С. 12-16.

⁵ Bautier R.-H. Paris au temps d'Abélard // Abélard en son temps: Actes du Colloque international organisé à l'occasion du 9e centenaire de la naissance de Pierre Abélard. P., 1981. P. 21-77.

ответственного за создание заговора по убийству епископа... Новый ланский епископ, Гугон, бывший деканом Орлеана, был обязан своим назначением сенешалю Людовика VI Этьену де Гарланду, который в результате этого назначения сам стал орлеанским деканом. Впрочем, в начале 1113 г., пробыв в сане ланского епископа всего несколько месяцев, Гугон скончался. В этот момент Абельяр и появился в Лане. По его собственному рассказу, его намерения были исключительно академическими: он приехал обучаться у прославленного магистра Ансельма. Но сам Ансельм не мог рассматривать прибытие Абельяра только в таком свете. Абельяр был магистром церкви Св. Женеьевы, деканом которой был королевский сенешаль Этьен де Гарланд... Вероятно, Абельяр отправился в Лан (не самое безопасное место в 1113 г.) как агент Этьена для того, чтобы укрепить здесь королевское влияние после убийства епископа Годри и неожиданной смерти протезе Этьена Гугона... Абельяр, поощряемый Этьеном де Гарландом, вероятно, планировал пошатнуть авторитет «старца» (так Абельяр называет Ансельма) и самому стать главой ланской школы. Как и ранее, магистр недооценил своего противника. Но в этот раз последствия вовсе не были катастрофическими для Абельяра: вскоре он был назначен магистром школы в соборе парижской Богородицы. Этот факт тем более удивителен, если учитывать, что совсем недавно в этой школе существовала сильная оппозиция Абельяру. Вероятно, Этьен де Гарланд воспользовался своим влиянием, чтобы утвердить назначение Абельяра на эту должность, тем самым наградив его за работу в Лане, пусть ее исход и не был успешным для самого сенешаля»¹.

Схеме ланской ситуации 1113 г. весьма точно соответствуют события, которые, судя по всему, произошли в Реймсе в 1124-1125 г. И в том и в другом случае Абельяр появляется в городе после смерти местного епископа, преподает (и, по-видимому, в обоих случаях пользуется успехом у слушателей) против главы местной школы, после чего его карьера дважды стремительно идет вверх. Если в первом случае Абельяр становится магистром школы своего бывшего учителя Гийома де Шампо в соборе парижской Богородицы (архидиаконом которого был Этьен де Гарланд), то в 1127 г. философ становится аббатом монастыря Св. Гильдазия Рюисского, тем самым «занимая место среди высоких духовных чинов галликанской церкви»². М. Сепе, признающий, что назначение Абельяра аббатом этого монастыря с прославленной историей пришлось для философа весьма кстати, учитывая плачевное состояние его дел, считает (не приводя, впрочем, никаких доказательств своей точки зрения), что здесь могли сыграть свою роль контакты семьи Абельяра, влиятельной при бретонском дворе. Однако если родственники Абельяра и могли оказать какое-то влияние на графа Бретани Конана III (пр. ок. 1115-1148), «поспешившего ратифицировать это назначение»³, вряд ли можно полагать, что они могли как-то повлиять на аббата монастыря Сен-Дени Сугерия, который «без всякого труда»⁴ дал философу, бывшему формально монахом Сен-Дени, разрешение занять высокую должность настоятеля монастыря в Бретани⁵. Вспоминая, что настолько же «легко» Сугерий удовлетворил просьбу Абельяра отпустить его из монастыря тремя годами ранее при непосредственном участии Этьена де Гарланда⁶, весьма вероятно, что и в этот раз влияние на аббата монастыря, посвященного Св. Дионисию, оказал влияние именно

¹ Clanchy M.T. *Abelard: a Medieval Life*. Oxford, 1997. P. 72-74.

² Sepet M. *Saint-Gildas de Ruis. Aperçus d'histoire monastique*. P., 1900. P. 174.

³ Ibid.

⁴ Петр Абельяр. *История моих бедствий*. С. 50.

⁵ Назначение на должность настоятеля монастыря Св. Гильдазия Рюисского принесло Абельяру только беды. «Область та, - пишет Абельяр в «Истории моих бедствий», - была варварской, языка ее жителей я не знал, постыдная и необузданная жизнь монахов в упомянутом монастыре была почти всем хорошо известна, а живущий в этой области народ был дик и неукротим». Несомненно, ламентации Абельяра по поводу его положения в качестве аббата являются позднейшими («История моих бедствий» написана между 1132 и 1136 гг., тогда как в 1127 г., вероятно, Абельяр сам желал этого продвижения в церковной иерархии).

⁶ Там же. С. 44.

всесильный сенешаль Людовика Толстого, «по совету которого управлялась вся Франция»¹.

«...Этьен де Гарланд был, вероятно, зачинщиком церковных скандалов, участием в которых королевская власть себя компрометировала. Задолго до знаменитых прелатов Возрождения этот удивительный авантюрист беззащитно занимался совместительством, набирая бенефиции и должности в возможно большем количестве, а также nepотизмом... Грубость, которую Людовик VI проявлял в обращении с некоторыми наиболее известными прелатами, как Ив Шартрский, архиепископ турский Гильберт де Лаварден, епископ парижский Этьен де Сенлис, должна быть приписана Этьену де Гарланду и его друзьям», - пишет французский историк Шарль Пти-Дютайи². Представляется вполне возможным, что Этьен де Гарланд мог использовать Абельяра как инструмент для борьбы с влиятельными магистрами школ, которые противодействовали влиянию королевского сенешаля. Как и Гарланд, Абельяр был мастером по организации церковных и школьных скандалов, за что, вероятно, он и ценился своим высоким покровителем³.

Идентификация Абельяра с персонажем стихотворения Гугона Орлеанского показывает, что характеристика отношения вагантов к французскому мыслителю, сделанная Л. Гинзбургом: «Нельзя принимать на веру ни одного положения, не проверив его с помощью разума; вера, приобретенная без содействия умственной силы, — недостойна свободной личности. Эти тезисы парижского „магистра наук“, великого страдальца Петра Абельяра, были широко подхвачены вагантами: они читали и переписывали его сочинения и распространяли их по всей Европе, противопоставляя церковному „верую, чтоб понимать“ противоположную формулу — „понимаю, чтоб верить“»⁴, — отражает лишь один, и то довольно формальный аспект этого отношения⁵. Конфликт Абельяра и Примаса показывает, что Абельяр вовсе не стоял у истоков движения вагантов, как это полагает ряд исследователей⁶.

Наконец, нельзя исключать, что поездка Абельяра в Реймс сыграла свою роль и в развитии еще одного важного сюжета из биографии Абельяра. В 1126 г. после смерти шалонского епископа Эбля клир и народ единодушно выбрали в качестве нового епископа Альберика Реймского. Когда папа Гонорий II (по неизвестным нам причинам) отказался ратифицировать этот выбор шалонцев, защитником интересов Альберика оказался Бернар Клервосский, который написал папе проникновенное письмо, в котором уверял, что восхождение Альберика на шалонскую кафедру будет полезно не только епархии, но и всей галликанской церкви⁷. Письмо Бернара не произвело на папу действия, однако оно несомненно показывает, что Бернар и Альберика связывали дружеские отношения⁸. По «Истории моих бедствий» Абельяра, около 1125 г., т.е., сразу после реймских событий, старые враги философа, «уже не имевшие сами по себе веса», возбудили против него

¹ J. Dufour, Stephen v. Garlande // *Lexikon des Mittelalters*. Bd. 4. Lief. 5. München-Zürich, 1988. Sp. 1118-1119. Впрочем, нужно помнить, что в этот период словом «Франция» (Francia) назывался лишь небольшой регион от Парижа до Орлеана, примерно соответствующий сегодняшнему Иль-де-Франс: Mews C.J. *The Lost Love Letters of Heloise and Abelard*. New York, 2001. P. 25; ср. Lobrichon G. *Héloïse: L'amour et le savoir*. P., 2005. P. 49. Nt. 2.

² Пти-Дютайи Ш. *Феодальная монархия во Франции и в Англии X-XIII в. М., 1938. С. 84-85.*

³ Ср. характеристику Абельяра в премонстратистском продолжении хроники Сигеберта (MGH SS, VI, 452): по ней, философ был известен тем, что «кощунственными словами и новизной мыслью возмущал (scandalizabat) церковь».

⁴ Л. Гинзбург, Предисловие // *Лирика вагантов в переводах Л. Гинзбурга*. М., 1970. I.

⁵ «Верую, чтобы понимать» (credo ut intellegam) Ансельма, как и обратное положение Абельяра, относятся, вероятно, не к религиозной вере, а к способу познания; см. Clanchy. *Op. cit.* P. 36.

⁶ Напр., О.А. Добиаш-Рождественская, Ж. Ле Гофф, Д. Вулстан. Об этих аргументах см.: Андерсен В.В. Был ли Абельяр «предтечей вагантов»? // *Курбатовские чтения СПбГУ*. СПб, 2008.

⁷ PL. T. 182. Ep. 13. Col. 116-117.

⁸ *Histoire littéraire de la France*. T. XII. P., 1869. P. 74.

«неких новых апостолов, которым все чрезвычайно доверяли» – основателя ордена премонстрантов Норберта Ксантенского и Бернара Клервоского¹. Если Абельяр, говоря о своих врагах, имел в виду именно Альберика, то, следовательно, именно реймсская авантюра Абельяра (которая, без сомнения, задела Альберика достаточно для того, чтобы тот мог просить помощи у своего могущественного друга) могла стать непосредственной причиной для начала конфликта Абельяра и Бернара Клервоского, длившегося по 1141 г. противостояния, который М.Т. Ратисбон небезосновательно назвал «величайшим культурным эпизодом XII столетия».

«ВЫЛЕПЛЯТЬ СВОЮ СОБСТВЕННУЮ СТАТУЮ», ИЛИ НАШЕ ОТРАЖЕНИЕ В ЗЕРКАЛЕ АНТИЧНОЙ «ПАЙДЕЙИ»

А.В. Хазина

Изучение рецепции античности в поле современной культуры остается одной из настоятельных научных задач. Античная традиция «...служит новому времени зеркалом, в котором оно познает само себя». К такому заключению приходит гейдельбергский профессор классической филологии М.фон Альбрехт в своем фундаментальном исследовании о влиянии римской литературы на культуру современной Европы². Концепция, согласно которой античность продолжает оставаться в европейской культуре не только наследием прошлого, но и ее неотъемлемым и активным элементом, сегодня доказывается на широком материале гуманитарных и естественных наук, а также исследованиями научного мировоззрения в целом³.

Это справедливо и в отношении педагогической античной традиции, играющей провиденциальную роль для школьной и, следовательно, для всей духовной жизни нового времени⁴.

Каково же наше отражение в зеркале античной «пайдейи»⁵?

Современная философия образования позиционируется как конструктивная аксиологическая философия⁶. Под конструктивностью процесса образования понимается: изложение материала на современном научном уровне; развитие творческого мышления и рационально-критического взгляда на изучаемые объекты; тогда как ценностно-полагающий характер образования связывается с выработкой гуманистических, правовых и этических принципов, с изучением культурного наследия. При возможности

¹ Петр Абельяр. История моих бедствий. С. 49. Дж. Констебл, однако, считает, что второй «новый апостол» Абельяра – сподвижник Норберта Гугон из Фосса: Constable G. The Reformation of the Twelfth Century. Cambridge, 1996. P. 25. Ft. 114.

² Albrecht M. Von. Rom: Spiegel Europas: Texte und Themen. Heidelberg. 1988. S. 645.

³ Sambursky S. The Physical World of the Greeks. L. 1987; Мордухай-Болтовский Д.Д. Из истории континуума// Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 821. Оп. 1. Д.25.; Рожанский И.Д. История естествознания в эпоху эллинизма и Римской Империи. М., 1988; Койре А. Очерки истории философской мысли. О влиянии философских концепций на развитие научных теорий. М., 1985.

⁴ Познавательное значение и одновременно инструментальная роль педагогических идей античности раскрывается в фундаментальных трудах В. Йегера, А. Марру, И. Адо, П. Адо.

⁵ Пайдейя (ΠΑΙΔΕΙΑ) – в данном случае следует понимать как «воспитание».

⁶ Клехо Ю.Я. Образовательный императив. М., 1998; Жуков В.И. Российское образование: проблемы и перспективы развития. М., 1998; Философия образования. М., 1996; Дементьева В.В. Антиковедение в вузе: обеспечение конструктивного и аксиологического характера образования// Антиковедение в системе современного образования. М., 2003.